

Глава XI

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ

Всякий печатный текст древнерусского произведения в любом издании XVIII—XX вв. мы можем рассматривать как список произведения. Однако в этом нет особого смысла, если списки, на основании которых выполнено печатное издание, сохранились и могут быть использованы текстологом. Вернее, смысл может и быть, но не для историка древней русской литературы, а для историка науки (например, для выяснения приемов научного, научно-популярного издания, свойственных тому или иному публикатору), для историка новой русской литературы (например, для изучения особой редакции «Повести о Савве Грудцыне», созданной А. Ремизовым)¹, при изучении читательских вкусов и т. д.

Печатный текст приобретает, однако, серьезное значение, если список или списки, с которых он сделан, отсутствуют, погибли, потеряны или по каким-либо другим причинам не могут быть использованы. В этом случае печатный текст (научное издание разных типов, микрофильм, фотографии, фототипическое воспроизведение, варианты к изданию другого, дошедшего, списка, художественная обработка, иногда даже перевод и т. д.) приобретает значение списка — значение, на которое все эти воспроизведения (за исключением в известной мере фотографических) не были рассчитаны². Ученый, издающий

¹ А. Ремизов. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951.

² Отмечу, что текстологическое изучение печатных списков сделало особенно большие успехи в шекспироведении. Как известно, от Шекспира не сохранилось никаких достоверных рукописей. Все огромное текстологическое изучение шекспировских произведений строится поэтому на печатных изданиях, известных под названиями «кварто», «фолио» и пр. См.: Walter W. Greg. The Editorial Problem in

научный текст, оказывается сам в положении древнерусского писца, к нему устанавливается подход как к древнерусскому писцу, к его тексту предъявляются требования, предъявляемые нами к тексту письменному. Любопытно, кстати, что в этом соревновании ученого с писцом преимущества не всегда оказываются на стороне ученого (писец иногда бывает точнее).

Принимая печатный текст за список, мы должны не упускать из виду, что история создания печатного текста имеет специфические для него изменения текста — сознательные и бессознательные.

Остановимся прежде всего на опечатках. Для того чтобы наилучшим образом уловить опечатки и чтобы их объяснить, текстолог должен иметь элементарные сведения о технике набора, знать типы опечаток в ручном наборе и в разных видах машинного (линотип, монотип и пр.), знать типы ошибок, встречающихся в машинописи (в XX в. в набор принимается только машинописный оригинал; следовательно, опечатки могли проникнуть еще в машинописный оригинал, а машинописному оригиналу предшествовал рукописный текст, в котором могли оказаться описки, возникшие по тем же законам, по которым возникают описки и в древнерусском тексте). Знать технику набора и технику машинописи еще недостаточно — надо знать и психологию набора, психологию машинописи. Кроме того, необходимо знать технику и психологию корректуры, так как корректура, призванная устранять ошибки, может сама явиться источником ошибок (например, ошибки «осмысления текста», характерные для переписчиков, очень часто встречаются и у корректоров, и у авторов, когда они держат корректуру). Печатный текст, прежде чем появиться на свет, проходит много различных стадий. Оригинал переписывается на машинке, машинописный текст сверяется автором (а иногда кем-нибудь другим) с рукописью, проходит редактирование (иногда несколькими редакторами: «главным», «ответственным», издательским, контрольным, литературным), вычитывается. Затем грязные места оригинала переписываются на машинке. Их сверяют с переписанным текстом и подклеивают в рукопись (последние три стадии работы над оригиналом называются монтировкой). После этого текст оригинала набирается, проходит несколько корректур с соответствующими исправлениями в наборе, верстается, иногда переверстывается и, наконец, печатается. Каждая из этих стадий может принести свои специфические виды ошибок.

Кроме тех ошибок, которые типичны и для процесса переписывания, наборщик и машинистка могут делать специфические ошибки, связанные с расположением букв в наборной кассе, клавиатуре линотипа, пишущей машинки, и т. д., например, рука наборщика или машинистки попадает на соседнюю букву. Специфические ошибки возникают при исправлениях текста (редакторами, корректорами, наборщиками).

Shakespeare. Oxford, 1954. — Из других работ по текстологии Шекспира укажу на главу «The new textual criticism of Shakespeare» в кн. Fr. Bowers. Textual and literary criticism. Cambridge, 1959. Р. 66—116; ср. также: А. А. Смирнов. Проблемы текстологии Шекспира. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1956, т. 15, вып. 2. С. 122—132.

Полезно знать также систему отливки строк в линотипе. Для исправления одной только ошибки наборщику приходится переливать целую строку. От этого появляются новые ошибки, особенно опасные тогда, когда основные корректуры набора уже прошли. В верстке линотипного набора могут быть легко переставлены строки. В ручном наборе могут легко осыпаться углы набора, последние или первые в строке буквы. Новый набор или поправка старого, делаемая верстальщиком, бывает не всегда аккуратной.

Опаснее, чем технические опечатки, ошибки осмысления: они делаются обычно не только машинисткой и наборщиком, но также редактором и особенно корректором. Их делает также иногда сам текстолог, когда держит корректуру (я уже не говорю о тех случаях, когда текстолог неправильно читает древний текст). Ошибки осмысления особенно трудно заметить, и они наносят наибольший ущерб изданию, изменяя содержание текста.

Знать все стадии и всю технику печатного дела совершенно необходимо текстологу, занимающемуся текстологическими изучениями произведений новой литературы, но в целом это полезно и текстологу, занимающемуся древней русской литературой, если только он готовит свои тексты для печатного издания. Знание техники и психологии ошибок разных стадий печатания текста позволяет ему сократить число собственных ошибок и ошибок тех, которые помогают ему в напечатании текста (машинистки, редакторов, вычитчика, монтировщика, технического редактора, наборщика, верстальщика, корректора, печатника и др.).

По счастью, на эту тему уже имеется достаточно хорошее руководство, к которому мы и отсылаем читателя: это глава «Книга как источник текста» в работе Б. В. Томашевского по текстологии «Писатель и книга» (Л., 1928; 2-е изд. М., 1959). Глава эта имеет следующие подразделения: «Оригинал. Психология набора. Причины ошибок в наборе. Классификация опечаток. Корректура. Ошибки как результат корректорских исправлений». Все это касается бессознательных изменений текста¹.

Сознательные изменения текста серьезнее. Здесь мы должны в первую очередь учитывать текстологические убеждения публикатора (если они, вообще говоря, есть), его публикаторские привычки, применяемые правила издания, степень его осведомленности в древнерусском языке (она, как известно, резко колеблется — особенно в связи с тем, что преподавание истории русского языка на исторических факультетах отменено), общую его осведомленность в фактах и реалиях исторического материала; наконец, мы должны учитывать и другие индивидуальные особенности публикатора: вплоть до степени его аккуратности в работе. Само собой разумеется, что подавляющее большинство особенностей приемов публикатора зависит от состояния в его время филологических и исторических знаний, от его научной школы и пр. В этом отношении текстолог, имеющий дело с печатным

¹ Ср. также: *O. Russ. Беседы о мастерстве корректора*. М., 1959; *П. Н. Берков. Корректура и текстология*. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 1.

изданием как источником текста, т. е. со своими предшественниками — коллегами текстологами, должен быть в известной мере историком науки.

Если мы не знаем списка, с которого производилась публикация текста, то для выяснения издательских приемов текстолога, а тем самым и для восстановления текста данного списка очень большое значение имеют все прочие издания того же текстолога с сохранившимися рукописей других произведений. Так, например, чрезвычайно большое значение имеет вопрос об использовании В. Н. Татищевым несохранившихся источников в его «Истории российской»: с какою степенью точности он их цитировал, и могут ли эти цитаты рассматриваться как своего рода издания текста?¹ Выяснению этого вопроса помогает татищевский текст «Русской Правды» (в редакции 1740 и 1749 гг.) в сравнении с основным его источником — дошедшей до нас Новгородской летописью «попа Ивана» (т. е. Академическим списком Новгородской первой летописи). По поводу этого текста С. Н. Валк пишет: «Можно прежде всего отметить, что Татищев отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста, а стремился, наоборот, уже при самой передаче текста сделать его возможно более понятным. Этим можно объяснить известную модернизацию и другие изменения текста²; этим же можно объяснить и то, что Татищев при передаче подлинного текста привносил свои толкования его то в виде замены некоторых ему непонятных слов своими истолкованиями этих слов³, то даже в виде небольших пояснительных вставок в подлинный текст⁴, а то и в виде пропусков, как это случи-

¹ Так предлагалось их рассматривать некоторыми археографами. Ср.: В. А. Черных. Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археографии. — Исторический архив, 1955, № 4. С. 202: Татищев «в своей "Истории российской" впервые широко использовал русские летописи, по сути дела — опубликовал их, переводя текст на современный ему язык».

² Например, Татищев изменяет «вынезъ» на «вынет» (I, II, 9); «а познаеть» — на «узнав» (I, 13) и «опознает» (II, 13); «тивун» — на «тиун» (I, 21); «чудин Микула» — «чудин Никула»; систематически заменяет «аше» на «оли» и «оже», «любо» — на «или» (I здесь и далее обозначает редакцию 1740 г., а II — редакцию 1749 г.). (Примечание С. Н. Валка).

³ Например, Татищев изменяет: «Перенег» на «Печенег» (II, заголовок Правды Ярославичей); «поиметь» — на «возмет» (I, 13); «старый» — на «старший» (I, 21); «вирное» — на «верное» (I, 19, II, 19); «проче» — на «прок» (I, 14, переводя это как «пожитки») или на «прю» (II, 14, переводя как «распра в обиду»); «ябетник» пояснен был в I, 2 в примечании как «обетник» (дал «обет вечной службы»), а во II, 2 «обетник» уже заменил «ябетника» в тексте; «жеравъ» изменен на «жеровль» (I, 29) и на «журавль» (II, 29); «на неделю» превращено Татищевым «в седмицу» (II, 34); «18» воров ст. 25 превращено в «болии» (I, 25; во II, 25 опять «18»), а в ст. 32 «10» воров — в «1» или «18» (в I, 32, во II, 322 — «10»). (Примечание С. Н. Валка).

⁴ Например, вместо «чудин Микула» у Татищева: «да чудина Никулу новгородца» (II), «сути им на рот» стало: «овса им на рот» (II, ст. 34). К разряду добавлений должно быть отнесено известное дополнение II, ст. 26, о повреждении борти: «а в смерди 2 гривны». (Примечание С. Н. Валка).

лось со статьей о кровавом муже в Правде Ярославичей. Нельзя не отметить и некоторых ошибок¹, виновником которых был не Татищев, а переписчик летописи в 1738 г.²³.

Таким образом, не имея самой рукописи, но зная общие языковые, орфографические и графические нормы древнейших рукописей, можно все же решить, что в издании оказалось опущено, дополнено или изменено. В отношении «Слова о полку Игореве» не представляет, например, сомнений, что в рукописи были йотированные гласные, юс малый и некоторые другие буквы, в издании опущенные. Нетрудно догадаться также, что пунктуация и прописные буквы расставлены издателями, исчезли титла, выносные буквы и т. д. Все это совершенно ясно каждому, имевшему дело с первым изданием «Слова» 1800 г., и не требует особого углубленного рассмотрения.

Кроме того, можно определить некоторые публикаторские приемы издателей «Слова» на основании других их изданий. В распоряжении исследователей имеется мусин-пушкинское издание «Поучения» Владимира Мономаха. Из всех изданий А. И. Мусина-Пушкина и двух его помощников по публикации «Слова» только это издание, вышедшее в 1793 г.⁴, может служить для выяснения приемов передачи текста «Слова». «Русская Правда», изданная А. И. Мусиным-Пушкиным с участием Болтина в 1792 г.⁵, представляет собой компиляцию XVIII в. из разных списков и поэтому не может быть сверена с рукописями. Все остальные издания А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского посвящены сравнительно поздним памятникам, и итоги сличения их с рукописями не могут быть показательными.

Сопоставляя мусин-пушкинское издание «Поучения» с рукописным текстом «Поучения» в Лаврентьевской летописи, нетрудно убедиться в том, что

¹ Например, «тиуне» вм. «княжи тивуне» (I, 21); «рядовнице» вм. «рядовнице княже» (II, 21); «и в ратаинем» списка 1737 г. Татищев прочел «и братанем» (I, 21 и II, 21, и затем перевел как «братьей его» и «брата его»); «твои челяди... твоего скота» вм. «свои... своего» (I, 15); пропуски имеются в ст. ст. I, 14 и II, 14 (каждый раз другие). (*Примечание С. Н. Валка*).

² Например, выше было указано, что уже в списке 1738 г. писец вместо «у хлева» написал «у хлеба». Татищев же осмыслил это как «у жита» (I, 13 и II, 31); в списке 1738 г. писец вместо «а в смерде и в холопе» написал «...и в охоте», Татищев оставил текст таким, осмыслив «в охоте» при переводе «псарем» (I, 21) и «гулящим» (II, 21). (*Примечание С. Н. Валка*).

³ С. Н. Валк. Татищевские списки Русской Правды. — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. V. М., 1958. С. 618–619.

⁴ Духовная великого князя Владимира Всея Вселенского Мономаха детям своим, названная в летописи Сузdalской Поученье. СПб., 1793.

⁵ Правда Русская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всея Вселенского Мономаха. С преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. М., 1792; 2-е изд. М., 1799.

издатели довольно решительно приоравливали текст «Поучения» к орфографической системе церковнославянской печати второй половины XVIII в. Решительность этого приоровления не была, впрочем, одинаково последовательной во всех случаях. Издатели «Поучения» стремились преимущественно к тому, чтобы внешний вид текста не отличался от внешнего вида обычного церковнославянского набора XVIII в. Все диакритические знаки церковнославянского шрифта, как известно, весьма обильные в XVIII и XIX вв., широко применены в издании и никак не отражают той скромной системы этих знаков, которая имеется в рукописи Лаврентьевской летописи. Текст «Поучения», само собой разумеется, разбит на слова, предлоги отделены от последующего слова; в конце слов, оканчивающихся на согласный, последовательно расставлены «ъ», расставлены прописные буквы и знаки препинания, исправлено согласно орфографическим нормам XVIII в. употребление «ѣ» («онемѣютъ» — «онъмеютъ», с. 13; «тобе» — «тобѣ», с. 13, и т. п.). Юсы малые поставлены так, как было принято в церковнославянской печати XVIII в. («своюмъ» — «своеа», с. 2; «моюмъ» — «моea», с. 3; «любамъ» — «любаа», с. 4, и т. п.). По орфографическим нормам церковнославянской печати XVIII в. исправлено употребление «ѡ» («икѡ» — «икѡ», с. 4, 10 и др.; «юго» — «югѡ», с. 4, 6, 11 и др.; «тако» — «такѡ», с. 3, и т. п.), «ѿ» («зло» — «ѣло», с. 10, 53, 55 и др.; «злыхъ» — «ѣлыхъ», с. 58), «Ѱ» («псалтырю» — «فالтырю», с. 3), «ѭ» («приимайте» — «примайте», с. 4; «мира» — «мира», с. 9, и т. п.). Исправлено употребление выносных букв, сокращений, титл (постоянны «ѣъ» — «ѣъ», «ѣе» — «ѣже», «га» — «ѓда», «ѓне» — «ѓдне», «евангельско-му» — «ე՞լьскому», с. 9, и т. д.). «Ю» после «ч», «ш» и «щ» заменено, согласно правописанию XVIII в., на «у» («чюна» — «չւնա», с. 12; «чуде» — «չւծե», с. 12, и т. д.); «ы» после «к» заменено на «и» (всюду «пакы» — «паки»; «великы» — «великихъ», с. 12). В некоторых случаях в середину слова вставлен «ъ» — опять-таки в тех случаях, где это требовалось орфографией и произносительными нормами XVIII в. («печална» — «печальна», с. 4; «меншими» — «меньшими», с. 7; «хвално» — «хвально», с. 12; «сильны» — «сильны», с. 12; «толко» — «только», с. 37; «дѣтми» — «දѣтьми», с. 42; «половечскы» — «половечьскихъ», с. 43, и т. п.). Отдельные русские формы церковнославянизированы («луче» — «лучше», с. 5; «розноличнii» — «разноличнii», с. 12; «присужено» — «присуждено», с. 31; и т. п.).

Таким образом, мусин-пушкинское издание «Поучения» не может быть охарактеризовано только как издание, «изобилующее разнообразными ошибками»¹, неправильными прочтениями и т. п. Во многих случаях то, что исследователи принимали за ошибки, было определенной системой передачи текста.

Остановимся более подробно на некоторых приемах передачи текста в «Поучении», проливающих свет на приемы передачи текста в Екатерининской

¹ Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве», — ТОДРЛ, т. VIII. М.; Л., 1951. С. 35.

копии и в издании 1800 г. Существенное значение для установления приемов передачи текста «Слова о полку Игореве» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова» имеют принципы расстановки «і» в мусин-пушкинском издании «Поучения». В самой рукописи «Поучения» «і» и «ї» встречаются только шесть раз: «кѣщеній», «приімите», «шдіну», «ї на биричи», «ї в ловчих», «інынъ». Между тем в издании «Поучения» оно всюду расставлено по правилам орфографии конца XVIII в.: «кѣщеній» (с. 1; оставлено как и в рукописи), «приімите» (с. 14), «одину» (с. 15), «ни на биричи» (с. 46), «и въ ловчихъ» (с. 47), «и нынъ» (с. 61), а также: «дѣтій» (вм. «дѣтии»), «бжій» (вм. «бии»), «приімайте» (вм. «приимайте»), «лукавнующій» (вм. «лукавнущий») и мн. др. Следовательно, только в одном случае в издании «Поучения» «і» совпадает с «і» в рукописи!

Ту же выдержанность расстановки «і» по правилам орфографии XVIII в. находим мы и в первом издании «Слова»: «братіе», «повѣстій», «замышленію», «вѣщій», «мыслію» и т. д. Данные мусин-пушкинского издания «Духовной» Владимира Мономаха не позволяют сомневаться в том, что расстановка «і» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова о полку Игореве» отнюдь не отражает графику самой рукописи. Несомненно, что «і» расставлялось в первом издании в строгом соответствии с правилами орфографии конца XVIII в. Исключение может быть отмечено только в двух случаях: «усобіцъ» (с. 3) и «а Володимиръ» (с. 28).

Отсюда ясна правота А. С. Орлова, отказавшегося в своем издании «Слова» от «і» первого издания и всюду заменившего его через «и»¹. Думаю, что данные первого издания «Поучения» Владимира Мономаха полностью подтверждают правильность такой замены.

Совершенно ясно, что конечное «ъ» расставлено в Екатерининской копии и в первом издании во всех случаях в конце слов, оканчивающихся на согласный, даже тогда, когда его не было в рукописи. В самом деле, не может представлять сомнения, что в рукописи «Слова» были выносные буквы. Как известно, выносные буквы очень часты в конце слов, но в выносах конечное «ъ» не пишется. В первом же издании «Слова» почти все слова, оканчивающиеся на согласный (за крайне немногими исключениями, о которых я скажу в дальнейшем), имеют конечное «ъ». Здесь тот же прием передачи текста, что и в мусин-пушкинском издании «Поучения». Обычна, в частности, постановка «ъ» после предлогов, оканчивающихся на согласный. Предлоги же, как правило, в древнерусских текстах пишутся слитно с последующим словом.

При разделении предлога и слова в мусин-пушкинском издании «Поучения» обычно после конечного согласного в предлоге ставится «ъ»: «въ серд-

¹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1946. С. 65. Ср. также издания: Слово о полку Игореве. Л., 1949 и 1953 (малая серия «Библиотеки поэта»); Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950 («Литературные памятники»); Слово о полку Игореве. М., Детгиз, 1949, 1954, 1962 и др.

ци» (из «вѣрди»), «съ нами» (из «снами») и т. д. То же самое видим мы и в первом издании «Слова»: «подъ облакы» (дважды), «предъ пѣлки», «отъ стараго», «отъ него», «къ дружинъ», «съ вами», «въ тропу», «чресъ поля», «чрезъ поля», «къ дону», «въ Кыевъ», «въ Новѣградъ», «въ Путивлъ», «подъ трубами», «подъ шеломы», «въ полѣ» и т. д.

В связи с изложенным встает вопрос, как было написано в рукописи слово «кѣмети». Как известно, Мусин-Пушкин не знал этого слова и разделил его на два «къ мети», переводя «в цель». Очень может быть, что конечное «ъ» поставлено было им при разделении этого слова на два, в рукописи же это слово вполне могло быть написано без «ъ»: «кмети». Предположение это полностью подтверждается мусин-пушкинским изданием «Поучения», где вместо «инѣхъ кметии молоды» напечатано «и инѣхъ къ мети и молодыхъ» (с. 44). Так именно это слово писалось в подавляющем числе случаев¹. Отсюда ясно, что при реконструкции непонятных «въ стазби» и «въ срожать» надо иметь в виду, что «ъ» также могло отсутствовать в рукописи.

Крайне неустойчиво в издании «Поучения» «ѣ». Постоянны случаи постановки «ѣ» в тех случаях, когда его нет в рукописи, и наоборот. По большей части такие перемены производились по орфографическим правилам конца XVIII в.: «сане» — «санѣхъ», «смѣренье» — «смеренье» (с. 9), «собе» — «собѣ» (с. 10), «тобе» — «тобѣ» (с. 13), и т. д.

В первом издании «Слова» сравнительно с Екатерининской копией довольно много случаев колебания в написании слов с «ѣ» и с «е». Вряд ли здесь дело только в том, что А. И. Мусин-Пушкин и его учёные помощники не разбрали написаний. По-видимому, путаница объясняется тем, что публикаторы колебались между орфографической системой XVIII в. и написаниями рукописи. При этом по большей части (хотя были и обратные случаи) Екатерининская копия следовала орфографическим правилам XVIII в., а издание 1800 г. частично восстанавливало старые формы рукописи. Так, например, зваттельный падеж в Екатерининской копии оканчивается на «е», в издании же 1800 г. — на «ѣ»: «землѣ» (с. 12; Ек. «зѣмле»), «Всеволодѣ» (с. 13, 46; Ек. «Всеволоде»), «Осмомыслѣ» (с. 30; Ек. «Осмомысле»), «вѣтрѣ» (с. 38; Ек. «ветре»). Сравнительно с Екатерининской копией издание 1800 г. восстанавливает древнее написание родительного падежа множественного числа: «на стадо лебедѣи» (с. 3 и 4; Ек. «на стадо лебедей», согласно орфографии XVIII в.)². Необходимо при этом отметить, что в конце XVIII в. древнее написание окончания родительного падежа множественного числа на «ѣй» не было известно. Поэтому следование в данном случае издания 1800 г. за рукописью несомненно.

К сожалению, рукопись «Поучения» не знает болгаризованной орфографии в сочетаниях плавных с «ѣ» и «ѣ», и поэтому нам трудно с уверенностью

¹ См.: И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, вып. III. СПб., 1893, стб. 1390.

² См.: И. И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве. М., 1890. С. 5.

судить о том, как поступили бы издатели «Поучения» в случаях сочетаний «ръ», «ръ», «ль» и «ль». Однако все же на с. 41 мусин-пушкинского издания «Поучения» имеется, правда, один, но весьма характерный пример: там напечатано «полкы», тогда как в рукописи стоит «плъкы». Тот же прием замены болгаризованных сочетаний «ръ», «ръ», «ль» и «ль» русскими «ор», «ер», «ол» и «ел» мы постоянно встречаем в Екатерининской копии. В издании же 1800 г. это болгаризованное сочетание восстанавливается, и, нет сомнений, по подлинной рукописи: «наплънився» (с. 5; Ек. «наполнився»), «плъкы» (с. 5; Ек. «полкы»), «бръзыя» (с. 5; Ек. «борзыя»), «бръзый» (с. 7; «бързый»), «влъци» (с. 8; Ек. «вълци»), «чръленыя» (с. 10; Ек. «чрленыя»), «млъніи» (с. 12; Ек. «молніи»), «плъкы» (с. 12, 13, 27; Ек. «полки»), «Чрънигова» (с. 13; Ек. «Чернигова»), «плъци» (с. 14; Ек. «полци»), «Святоплъкъ» (с. 16; Ек. «Святополкъ»), «плъкы» (с. 17; Ек. «полкы»), «чръна» (с. 17; Ек. «черна»), «плъкы» (с. 18; Ек. «полкы»), «млъвити» (с. 19; Ек. «молвити»), «плъку» (с. 20; Ек. «полку»), «плъковъ» (с. 22; Ек. «полковъ»), «чръною» (с. 23; Ек. «черною»), «плъки» (с. 30; Ек. «полки»), «плъку» (с. 32, 39; Ек. «полку»), «плъночи» (с. 35; Ек. « полночи»), «влъкомъ» (с. 35; Ек. «волкомъ»), «влъкомъ» (с. 36 bis; Ек. bis «волокомъ»), «пръвое» (с. 37; Ек. «первое»), «пръвую» (с. 37; Ек. « первую»), «пръвыхъ» (с. 37; Ек. « первыхъ»), «слънце» (с. 39; Ек. «Солнце»), «бръзъ» (с. 41; Ек. «борзъ»), «влъномъ» (с. 41 bis; Ек. bis «волкомъ»), «бръзая» (с. 41; Ек. «борзая»), «влънах» (с. 42; Ек. «волнах»), «помлъкоша» (с. 43; Ек. «помолкоша»), «Млъвить» (с. 43; Ек. «Молвить»). Только в одном случае нужно думать, что Екатерининская копия дает лучшее чтение сравнительно с первым изданием (в первом издании «меркнетъ», с. 10; в Ек. «мръкнетъ»). Здесь, очевидно, сказалась двойная невнимательность: составитель текста Екатерининской копии не провел своей системы в сочетании «ръ» и оставил чтение рукописи, а составители текста первого издания «Слова» имели уже перед собой «исправленный» согласно орографии XVIII в. список с «меркнетъ» вместо «мръкнетъ», который и исправили по подлинной рукописи, но не до конца (ограничившись тем, что выбросили «е»).

В мусин-пушкинском издании «Поучения» «ю» после шипящих «ч» и «щ» заменяется согласно орографическим правилам XVIII в. на «у»: «душю» — «душу» (с. 6, 8), «възношюсъ» — «взношуса» (с. 9), «чюдна» — «чудна» (с. 12 bis), «чюдесъ» — «чудес» (с. 12 bis), «чюду» — «чуду» (с. 12), «чюса» — «чудеса» (с. 13), «чюжимъ» — «чужимъ» (с. 22), «въсходащю» — «всходащу» (с. 29). К сожалению, мы не можем установить, как было бы в случаях с «я» после «ч» и «щ», так как в рукописи «Поучения» в этих случаях всегда «а», которое, естественно, в издании 1793 г. и сохраняется: «привечавше» (с. 24), «часто» (с. 26), «щадя» (с. 46) и др. В Екатерининской копии в основном «я» после «ч» и «щ» заменяется на «а», но в первом издании первоначальное «я» систематически восстанавливается: «начяти» (с. 1; Ек. «начати»), «поскочяше» (с. 13; Ек. «поскочаше»), «Святьславличя» (с. 15; Ек. «Святъславлича»), «давечя» (с. 18; Ек. «давеча»), «начяша» (с. 19; Ек.

«начаша»), «сыновчя» (с. 26; Ек. «сыновча»), «Брячяслава» (с. 34; Ек. «Брячаслава»), «начасте» (с. 35; Ек. «начасте»). Имеется только один обратный случай: «Полочаномъ» (с. 33; Ек. «Полочяномъ»).

Следовательно, и здесь перед нами несомненно свидетельство того, что текст «Слова» для издания 1800 г. выверялся по подлинной рукописи, и приведенная выше особенность орфографии XVIII в., проникшая в первоначально подготовленный текст «Слова» (сохранившийся в Екатерининской копии), затем была отменена.

Отчасти в пользу той же выверки текста «Слова» по рукописи для издания 1800 г. свидетельствует еще и тот факт, что в издании 1800 г., сравнительно с Екатерининской копией, все цифровые обозначения чисел заменены буквенными, как в рукописи («і соколовъ» bis; «въ Г день» вм. «10 соколовъ» bis; «въ З день»).

Особенно интересны в издании «Поучения» некоторые ошибочные прочтения, совпадающие с такими же неверными прочтениями «Слова» в Екатерининской копии и в издании «Слова» 1800 г. Мы уже говорили о том, что А. И. Мусин-Пушкин и в «Духовной», и в «Слове» не понял слова «къмети». В «Поучении» вместо «инѣхъ кмети молоды» напечатано «инѣхъ къ метии молодыхъ»; в первом же издании «Слова о полку Игореве» вместо «свѣдоми къмети» напечатано «свѣдоми къ мети». Не понял А. И. Мусин-Пушкин и слов «мужество», «мужаться». В «Поучении» вместо «мужество и грамоту» напечатано «мужъ твой грамоту»; в первом издании «Слова о полку Игореве» — «му жа имъся сами» вместо «мужаимъся сами». Эти общие в «Поучении» и «Слове» ошибки ясно показывают, что виновником их был сам А. И. Мусин-Пушкин, а не кто-либо из его ученых помощников. Ошибки же, кстати сказать, лишний раз и совершенно бесспорно свидетельствуют о том, что перед А. И. Мусиным-Пушкиным была подлинная, древняя рукопись «Слова», которую он не во всех случаях умел прочесть, и что он делал типичные для себя ошибки в прочтении древних рукописей.

Публикаторскую технику Мусина-Пушкина довольно ярко характеризуют и другие случаи неумелого прочтения и разделения на слова текста «Поучения» («и шпочиваетъ» вместо «бо почиваетъ», «с ыставкомъ» вместо «со Ставкомъ», «и съ Переславла» вместо «ис Перешлавла», «даси ми» вместо «да сими»), а также манера в случаях затруднений с пониманием какого-либо слова считать его именем собственным: «по Стугани ва...» вместо «по сту оуганивалъ». И то и другое, как известно, представлено рядом примеров и в Екатерининской копии, и в первом издании «Слова».

Отдельные случаи своеобразной передачи текста в «Поучении» объясняют неточности Екатерининской копии и издания 1800 г. Так, например, в «Поучении» имеются вставки согласного там, где его не было в рукописи, под влиянием требований этимологии: «оттвори» (с. 35; в Екатерининской копии — более вероятное в рукописи «отвори»); ср. в издании «Поучения»: «беззаконье» (с. 4, 6 и 49; в рукописи «безаконье»), «безсемени» (с. 60; в рукописи «бесемене»).

В выносных буквах видят обычно остатки графики самой рукописи, отраженные якобы писцом, стремившимся точно следовать за рукописью. Это неправильно. В мусин-пушкинском издании «Поучения» выносные буквы совершенно не отражают графику оригинала. Они расставлены Мусиным-Пушкиным по правилам их постановки в церковнославянских текстах XVIII в., главным образом в конце слов. То же самое видим мы и в Екатерининской копии. Здесь выносные буквы имеются также только в окончаниях слов (по преимуществу конечные «х» и «м», как и в церковнославянских текстах XVIII в.) и отражают приемы расстановки выносных букв в письме XVIII в.) (не следует забывать, что выносные буквы еще продолжали употребляться в письме XVIII в.). Это обстоятельство заставляет сильно сомневаться в том, что выносные буквы Екатерининской копии перешли в нее из погибшего оригинала. Эти сомнения окончательно подтверждаются следующим наблюдением. Екатерининская копия имеет выносные буквы только в конце своих строк, там, где строка копии оказывалась длиннее обычного. Выносная буква помогала писцу Екатерининской копии избежать неудобных переносов, и только.

Совершенно неправ Н. С. Тихонравов, который считал выносные буквы Екатерининской копии принадлежностью погибшей рукописи «Слова» и на этом основании даже обвинял первых издателей в том, что они неверно внесли их в текст при подготовке первого издания¹.

И Екатерининская копия, и издание 1800 г. отразили определенные приемы передачи текста древних рукописей, свойственные А. И. Мусину-Пушкину и привлеченным им ученым. Эти приемы близки к тем, которые совершенно достоверно могут быть установлены для мусин-пушкинского издания «Поучения» Мономаха. Ближе всего к приемам этого издания Екатерининская копия. В издании 1800 г. заметно стремление строже придерживаться текста рукописи, в связи с чем некоторые приемы были отменены вовсе, а в других заметны колебания, но некоторая часть приемов осталась без изменений.

В ошибках Екатерининской копии и издания 1800 г. отразилось не простое «неумение» прочесть текст погибшей рукописи, а некоторая, правда, не совсем последовательная и четкая, система приемов передачи текста рукописи².

*

К печатным воспроизведениям текста в известной мере могут быть отнесены и все виды фотографического воспроизведения текста, которыми все

¹ «Слово о полку Игореве». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. Изд. 2-е. М., 1868. С. V.

² Подробнее об ошибках первого издания «Слово о полку Игореве» см.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 237–277.

более и более пользуются сейчас текстологи, заменяя ими труднодоступные рукописи (например, рукописи, хранящиеся в другом городе или в другой стране). Я имею в виду микрофильмы, фотографии и ротокопии. Пользуясь ими, необходимо иметь в виду обычные технические недостатки: приписки на полях могут легко оказаться за обрезом воспроизведения, не воспроизводятся изменения в цвете чернил, слабо выделяется киноварь, отдельные мелкие детали могут исчезнуть вовсе (например, знаки пунктуации, выносное «с» в виде точки, и т. д.). Особо следует отметить, что изучение текста по фотографическим воспроизведениям затрудняет изучение водяных знаков и текстологического конвоя (см. выше, с. 241–258). Иногда по фотографическим воспроизведениям нельзя установить, на чем написан текст.

Так, например, по-видимому, на основании фотографического воспроизведения в первое издание текста «Хожения за три моря Афанасия Никитина» в серии «Литературные памятники» включена запись «господи, помози рабу своему» («господи» ошибочно транскрибировано «гир»), на самом деле находившаяся не в тексте, а на крышке переплета¹.

*

По существу всякое издание текста, которое используется в дальнейшей работе (для публикации или для его исследования), следует рассматривать как новый список произведения; издание должно быть подвергнуто обычно текстологическому изучению прежде, чем быть использовано.

В той же мере, в какой современный текстолог не имеет права публиковать текст списка без его предварительного изучения, современный текстолог не может пользоваться печатным текстом памятника, не установив всех его специфических особенностей (происхождение текста, публикаторские приемы, механические ошибки, вкравшиеся в текст, и пр.).

Мне могут возразить и сказать, что иногда печатный текст используется публикатором для механического облегчения своей работы по переписке рукописи. В этом случае, казалось бы, нет необходимости предварительно изучить используемый печатный текст, так как он весь заново проверяется и исправляется по рукописи. Я имею в виду использование старой научной публикации как технической основы для публикации новой, проверенной по рукописи. Такое использование часто делается текстологами для облегчения своей работы. Берется старое издание списка и на страницы этого издания заносятся исправления по рукописи.

В принципе нельзя возражать против такого использования старого издания, особенно если текст велик по объему. Но надо иметь в виду, что

¹ См. об этом: Я. С. Лурье. Археографический обзор. — В кн.: Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.; Л., 1958. С. 161 («Литературные памятники»).

ошибки старого издания легко могут проникнуть из-за этого в новое. Текстолог может не заметить различия, может подпасть под «гипноз» прочтения своего предшественника. Все это зависит, конечно, от степени самостоятельности текстолога, от его «внушаемости» (эта внушаемость может быть прямо пропорциональна его самоуверенности), от авторитета для текстолога старого издания и т. д., но в еще большей мере это зависит от того, что текстолог не изучает используемое им издание как список.

Особенно «пикантны» случаи, когда новый издатель, наставительно объявляя старое издание неудовлетворительным и не изучив его, пользуется этим старым изданием как технической основой для выправки текста по рукописи и незаметно для себя повторяет его ошибки, а отчасти и прибавляет новые.

Специфические ошибки возникают оттого, что текстолог, пользующийся старым изданием как технической основой для нового, не учитывает правил и приемов издания старого текста и «накладывает» на эти старые свои новые, делая это недостаточно аккуратно.

Вот несколько примеров того, как текст «Жития» Аввакума, точно воспроизведенный в «Памятниках истории старообрядчества»¹, был искажен в издании «Academia»² и перешел в таком искаженном виде в издание ГИХЛ³:

РИБ

запалил такъ же, и божія воля учинила так же, и та пищаль не стрелила (с. 11).

соприсносущно (с. 6). Григорій Нискій (с. 5). у куров корму ис корыта нагребеть (с. 28). съль на поду..., в печи (с. 50). отгрыз персты (с. 10).

Academіa

запалил так же — и та пищаль не стрелила (с. 75).

соприсущно (с. 70). Григорий Нисский (с. 68). у коров корму ис корыта нагребет (с. 94). сел на полу..., в печи (с. 121). отгрыз персты (с. 74).

ГИХЛ

запалил так же, и та пищаль не стрелила (с. 61).

соприсущно (с. 58). Григорий Нисский (с. 57). у коров корму ис корыта нагребет (с. 75). сел на полу..., в печи (с. 93). отгрыз персты (с. 61).

Вот несколько других примеров, показывающих искажение текста в ГИХЛ сравнительно с правильным текстом «Academіa»:

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1 (РИБ, т. 39). Л., 1927.

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934.

³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

A c a d e m i a

и с собаками жил (с. 91).
 годов с шесть и с семь (с. 95).
 Бился я з бесами, что с собаками
 (с. 144).
 тамо обрящеши (с. 71).
 тако и душа (с. 117).
 и я... поворчю (с. 117).
 знаменоносцы (с. 58).
 силен Христос и нас не покинуть
 (с. 43).
 Евдокею (с. 124).
 роботников (с. 92).
 но токмо (с. 147).

Г И Х Л

и собаками жил (с. 72).
 годов с шесть и семь (с. 75).
 Бился я з бесами, что собаками
 (с. 112)¹.
 там обрящеши (с. 59).
 так и душа (с. 90).
 и я... поворочю (с. 90).
 знаменоносцы (с. 101).
 силен Христос и нас не покинут!
 (с. 87).
 Евдокию (с. 95).
 работников (с. 73).
 на токмо (с. 114).

Приведенные примеры показывают различные типы ошибок, передающихся с помощью печатного текста и «нарастающих» на печатный текст. Преобладают ошибки прочтения в нескольких формах: неправильное «узнавание» текста вследствие внушения, оказанного предварительно прочтенным печатным текстом, и ошибки прочтения вследствие недостаточного знакомства с палеографией (пропуск выносного точечного «с») и историей языка (модернизация старых форм и старых слов)².

Всякий текстолог должен иметь в виду, что не только он распутывает историю текста на основании имеющихся в его распоряжении списков, но что его издание также может явиться отправным пунктом для выяснения его истории текста и что типы ошибок текстолога в известной мере (если исключить те ошибки, которые вызываются самой техникой печатного дела) очень близки к типам ошибок древних переписчиков рукописи.

Как правило, при пользовании печатным текстом издаваемого списка с последующей сверкой этого текста с рукописью значительно уменьшается опасность пропусков текста; однако если текстолог хорошо знаком с палеографией и историей языка, то, чтобы добиться наилучших результатов, рекомендуется следующий способ подготовки к печати текста, уже изданного: текст переписывается с рукописи от руки (или прямо на машинку) и после этого сверяется и с рукописью, и с печатным текстом (последнее в целях самоконтроля).

¹ Ошибочно пропущенному в тексте «с» здесь и в других случаях в рукописи соответствует выносное «с» в виде точки (это ошибка прочтения).

² История повторения и возникновения ошибок в печатных изданиях текста «Жития» Аввакума на этом не кончается. Почти все вышедшие за изданием ГИХЛ новые публикации «Жития» содержат искажения всех указанных типов.

Совершенно, однако, недопустимо пользоваться для подготовки издания печатным текстом другого списка, часто даже другой редакции: здесь могут появиться (при большом различии в текстах) грубейшие ошибки. К крайнему сожалению, в последние годы такого рода «издания» осуществлялись, и текст в них из-за невнимательности текстологов получался иногда совершенно фантастический.

В сущности, при любом использовании печатного текста древнего памятника в научных целях, необходимо проверять его теми же текстологическими приемами, что и при рукописном списке. Принципиальных различий нет, есть только различия, вызываемые спецификой самого материала. Печатные издания древнерусских памятников так же должны изучаться текстологом, если возникает необходимость пользоваться их текстом, как и рукописные списки.